

Подвизаться за веру, однажды преданную святым (Иуды 3)

ДЭВИД БЕНТЛИ ХАРТ И ВСЕОБЩЕЕ СПАСЕНИЕ

Майкл Мак-Клаймонд

Также в этом выпуске:

- *PRO ET CONTRA*: лучшие аргументы (с. 9)
- Была ли перепись в правление Августа (с. 13)

Если вы еще не слышали о Дэвиде Бентли Харте из Университета Нотр-Дам, он широко известен как один из двух самых влиятельных академических философов современного англоязычного мира (наряду с Джоном Милбэнком из Ноттингемского университета). Харт — автор множества публикаций, а спектр его интеллектуальных интересов — в литературе на разных языках — потрясает воображение. Кандидатская диссертация «Красота бесконечного», опубликованная в виде книги в 2004 году, побудила рецензентов назвать Харта, еще совсем молодого человека, ведущим христианским богословом.

У Харта больше нет его личной библиотеки, которая насчитывала около 20 тысяч томов, однако он, судя по всему, прочел большинство собранных книг и забыл не так уж много из прочитанного. Родясь он чуть раньше, он мог бы сидеть вместе с Клайвом Льюисом, Джоном Рональдом Руэлом Толкином и другими инклингами за столом оксфордского паба «Орел и ребенок» и не только понимать их разговоры об английской литературе, истории западного мира, всемирной мифологии, христианском богословии, но и кое-чему их научить. Тем, кто думает, будто я преувеличиваю, советую изучить статьи, вошедшие в три недавно изданных сборника: *A Splendid Wickedness and Other Essays* (2016), *The Hidden and the Manifest* (2017) и *The Dream-Child's Progress* (2017). Я горячо рекомендую вашему вниманию эти и другие публикации Харта.

Однако новая книга Харта, «Чтобы все спаслись. Рай, ад и всеобщее спасение» (здесь цитируется в переводе М. Толстолуженко: М., Эксмо, 2022), на мой взгляд, такой рекомендации не заслуживает. Ей недостает остроты аргументов и красоты языка, которыми отличались его предыдущие сочинения. Киноманы могли бы назвать сравнить ее с третьей частью «Крестного отца» — автор не на высоте. Что ж, даже мастер иногда ошибается. Разочарование (мое собственное и, уверен, многих других читателей) усугубляется тем, что Харт не полемизирует с неверующими — как он это делал в 2010 году в книге «Иллюзии атеистов», — а вступил в бескомпромиссную войну с единоверцами-христианами, которые придерживаются традиционных представлений о небесах и аде.

Название книги отражает ее главный тезис: все тварные существа, согрешившие против Бога, в конечном итоге будут спасены. И Харт рассуждает об этом не как о чем-то возможном или даже вероятном, а как о несомненном факте. Он не намерен размениваться на «оптими-

стический универсализм» (*hopeful universalism*) — учение, часто ассоциирующееся с именами Карла Барта и Ганса фон Бальтазара, которое признает возможность всеобщего спасения, но утверждает, что говорить об этом с уверенностью или знать это наверняка заблаговременно невозможно. Возможно, выход в свет книги Харта означает, что времена осторожного универсализма остались в прошлом, и начинается эпоха универсализма убежденного.

Мои личные споры с Хартом о всеобщем спасении начались еще осенью 2014 года, когда он был зачислен на кафедру богословских наук в Университете Сент-Луиса, где я преподаю, и где он на протяжении года подвизался в качестве внештатного преподавателя. В наших первых беседах прозвучали аргументы, вошедшие как в новую книгу Харта, так и в мою собственную книгу *The Devil's Redemption: A New History and Interpretation of Christian Universalism*, вышедшую в издательстве Baker Academic в 2018 году. Мне следует предупредить читателей, что наши две книги совершенно не похожи друг на друга. Сочинение Харта представляет собой его личные размышления объемом 214 страниц без сносок и ссылок на источники и почти без обращения к непростой истории богословских споров вокруг универсализма. Моя же монография насчитывает 1325 страниц, 3500 сносок и более 3000 ссылок на источники. Дуглас Фэрроу из Университета Мак-Гилла советует всем, кто интересуется темой универсализма, прочесть обе книги. Надеюсь, что так и будет.

В интеллектуальных спорах Харт часто позволяет себе острые высказывания, хотя в наших с ним беседах он был сдержан. Однако я своими глазами видел, как он набросился на более молодого философа-томиста из нашего университета. Потом я узнал, что любой намек на божественное всевластие — будь то в томистическом или кальвинистском духе — безусловная анафема в глазах Харта. Как-то раз в местном пабе он дискутировал с одним из моих докторантов о библейском повелении истребить хананеев. Мой студент полагал, что в соответствующих текстах речь идет об исторических событиях, но Харт явно был с этим не согласен — он толковал данные фрагменты символически.

Весной 2015 года я уехал читать лекции в Англию, в Бирмингемский университет, а Дэвид оставался в Сент-Луисе, однако мы обменивались письмами, в которых с еще большим жаром вели споры об универсализме. Тогда я обратил внимание Харта, православного богослова, на тот факт, что подавляющее большинство (наверное, 10:1) раннекристианских

авторов — греческих, латинских, сирийских и коптских — универсалистами не были. В ответном электронном письме Дэвид написал, что его больше интересует истина, нежели precedents и авторитеты, хотя он убежден, что по крайней мере некоторые авторитетные авторы его точку зрения разделяли. Также он добавил, что, будь вечные адские муки необходимой частью христианского учения, в его представлении это с очевидностью доказывало бы ложность христианства. Так я познакомился с тезисом Харта, который впоследствии стал одним из центральных аргументов в книге «Чтобы все спаслись». Конечно, ключевую роль в универсалистских спорах играет библейская экзегеза, и перевод Нового Завета, сделанный Хартом и опубликованный в 2017 году, является неотъемлемой частью его аргументации в пользу универсализма, о чем он прямо пишет в своей новой книге.

Ниже я исследую риторику Харта, т. е. стиль его рассуждений, его аргументацию, т. е. содержание его рассуждений, и его экзегезу, т. е. библейское основание его рассуждений. В конце статьи я затрону вопрос о том, как следует жить в соответствии со своими эсхатологическими взглядами.

Риторика Харта

Аргументы Харта в пользу христианского универсализма нельзя рассматривать в отрыве от этого и пафоса его прозы. Уиллис Дженкинс пишет о «раздраженных прилагательных» Харта, а Дуглас Фэрроу называет его «интеллектуальным кулачным бойцом, который порхает, словно бабочка, и жалит, словно пчела». Хорошо это или плохо, но словесная пиротехника Харта столь же очевидна, как взрывы бомбы в читальном зале. В книге «Чтобы все спаслись» он называет своих оппонентов и их взгляды «злобно-мстительными», «изысканно-жестокими», «многословием поверхностных рассуждений», «по сути своей неправдоподобными», «морально неповоротливыми», «откровенно нелепыми» и находит в их высказываниях «причудливые нелепости», а также «густые и пьянящие клубы подкрепляющей бессмыслицы». И это всего лишь первые несколько оскорблений. Книга в целом содержит не менее 118 уничижительных высказываний в адрес оппонентов Харта, их богословских убеждений, их Бога и их представлений об аде.

Фэрроу сравнивает манеру выражаться, продемонстрированную Хартом, с тем «потоком пустословия, с помощью которого боксеры обычно заводят зрителей перед поединком»,

Дэвид Бентли Харт

и пишет, что он «практически истощает мировые запасы оскорблений». Трудно припомнить другое богословское сочинение прошлого или настоящего, источающее яд в такой концентрации. Ядом, который выделяет одна золотая лягушка размером чуть больше сантиметра, обитающая в тропических лесах Колумбии, можно убить десять человек. Книга Харта столь же элегантна и убийственна. К этому ли стремился Харт, когда ее писал, — не опровергнуть своих противников, но избавиться от них?

Необычайно мощный поток оскорбительных высказываний в книге «Чтобы все спаслись» — важный показатель. Однако указывает он вовсе не на то, о чем, как мне кажется, думают приверженцы и последователи Харта. Это не свидетельство того, что дело универсализма вот-вот восторжествует. Злозычие Харта отвлекает внимание читателей от внутренней логики его рассуждений и заставляет сосредоточиться на ярких эпитетах, а потому никак не укрепляет позиции автора. Резкие выражения — признак слабости, а не силы. В книге чувствуется безнадежность. Харт выглядит грамотным и красноречивым человеком, которого приперли к стенке, и который отбивается единственным известным ему способом. Тому, кто уверен в своей правоте и в надежности своей аргументации, незачем вставлять в текст сотню с лишним оскорбительных фраз. Люди поступают так, когда чувствуют, что вот-вот потерпят поражение, и в предисловии Харт практически это признает: «едва ли можно надеяться убедить кого-либо в чем-либо», но «я намерен вести [игру] до конца».

Майкл Мак-Клаймонд

Страницы монографии дышат усталостью и обреченностью. Харт изображает себя одиночным поборником истины универсализма — что едва ли соответствует действительности, поскольку сегодня его точку зрения разделяют многие университетские богословы. И вот что еще странно: в книге нет ни единой радостной ноты. Казалось бы, тот, кто убежден, что все люди (даже одураченные кальвинисты!) в конечном итоге будут спасены, должен умиротворенно и радостно рассуждать о небесном царстве, которое ожидает всех. Если доводы Харта справедливы, по идее, ему следовало бы радостно ожидать момента, когда его правота станет явной перед Богом и всем человечеством. Между тем, его сочинение источает желчь и озлобленность — настолько, что поневоле начинаешь задумываться, убеждают ли автора его собственные аргументы.

Понять глубинный смысл книги Харта помогает однозначный выбор, перед которым он ставит читателя в заключении: либо универсализм, либо неверие. В последнем абзаце он пишет:

За последние несколько лет меня не раз спрашивали: если бы я всё же пришел к убеждению, что приверженность христианству непременно требует веры в ад вечных мук, стало бы это для меня подтверждением того, что христианство следует отвергнуть как самоочевидным образом морально бесчувственную и логически непоследовательную веру? Да, действительно стало бы.

Книга Харта, исполненная безудержного гнева в адрес исторического христианского учения, во многом похожа на сочинения «но-

вых атеистов», таких как Ричард Докинз или Кристофер Хитченс. Харт, как и эти авторы-атеисты, считает Бога, Которого столетиями проповедовала и исповедовала христианская Церковь, «изобретательно-садистским», «театрально-гротескным», «бездушно-капризным игроком». Одним словом — «чудовищным божеством».

Таким образом, книгу «Чтобы все спаслись» вполне можно читать как очередное заявление «новых атеистов». Достаточно проигнорировать универсалистский хэппи-энд, прилепленный к концу повествования о судьбах вселенной с целью уклониться от напрашивающегося вывода о том, что христианского Бога не существует. Универсалистский эсхатон — в буквальном смысле *deus ex machina* Харта, поскольку в современном мире, каким Харт его видит, мало что указывает на существование любящего Бога, Который заботится о нас. Харт прижат спиной к стене и яростно отбивается, поскольку защищает своего рода богословское «Аламо», последний оплот (как он думает) христианского теизма или, по крайней мере, понятной ему и приемлемой для него веры.

Аргументы Харта

Теперь, когда завеса слов и дым эмоций рассеялись, какие аргументы в пользу универсализма пропступают на страницах сочинения Харта?

В книге «Чтобы все спаслись» мы находим три основных довода в пользу универсализма. Я обозначу их, соответственно, как «аргумент от ответственного Творца» (сам факт божественного творения подразумевает, что спасутся все), «аргумент от выбора добра» (воля творения никогда не может полностью или окончательно отвергнуть благость, заключенную в Боге) и «аргумент от человеческой солидарности» (все человеческие существа составляют единое целое и должны либо все спастись, либо все погибнуть).

1. Аргумент от ответственного Творца

Свой первый довод Харт впервые публично представил в 2015 году в лекции «Бог, творение и зло», прочитанной в Университете Нотр-Дам. По существу, Харт утверждает, что с того момента, как Бог создал мир, Он взял на Себя безраздельную ответственность за все и всяческое зло во вселенной, если в конечном итоге оно никуда не исчезнет. «... это утверждение [о том, что спасутся все] почти с неизбежностью следует из всякого действительно после-

довательного размышления о том, что значит видеть в Боге свободного творца всех вещей *ex nihilo...*» — пишет Харт.

Да, существуют «бесчисленные разновидности „вторичной причинности“», однако Харт настаивает на том, что «ни одна из них не может превысить или оставить в стороне ту единственную цель, к которой направляет все вещи первая причина». Ибо, «поскольку Божий акт творения свободен... в Его решении мысленно объемлются все контингентные цели». Харт добавляет, что «все причины логически сводимы к их первой причине. Это не более чем логический трюизм». Процитированные высказывания вызывают недоумение, и на память сразу приходит ряд сокрушительных возражений. Чтобы никаких сомнений относительно представлений Харта у вас не осталось, прочитайте внимательно следующее его заявление: «И если уж мы вообще способны свободно желать чего бы то ни было, то именно потому, что Он побуждает нас к этому» (курсив автора).

Если действия творения всегда «объемлются в Его [Бога] решении», и Он «побуждает нас» делать то, что мы делаем, у нас есть все основания спросить: *почему же тогда зло вообще существует?* Пытаясь объяснить, каким образом зло в конечном итоге будет побеждено, Харт создает новую и, вероятно, неразрешимую проблему, связанную с происхождением зла. Может быть, Бог Харта в одинаковой мере воплощает Собой зло и добро — иногда замышляет и творит злое, иногда замышляет и творит доброе? Предположим, это не то умозаключение, к которому стремится Харт, однако из его рассуждений вполне можно сделать такой вывод. «Аргумент от ответственного Творца» заводит нас слишком далеко — ведь, если Бог несет нравственную ответственность за эсхатологические следствия, почему Он не должен отвечать и за зло, совершенное в прошлом? Если решения тварных существ полностью растворяются в божественных решениях, получается, что Бог совершил каждое злодеяние в истории (больше некому), и универсалистский хэппи-энд вовсе не освобождает Бога от ответственности за все зло, имевшее место на дороге из желтого кирпича, ведущей к эсхатону.

Настойчивость, с которой Харт пишет о все-подчиняющей воле Бога, выглядит странно, поскольку таким образом он оказывается в одном ряду с самыми строгими томистами и самыми фанатичными кальвинистами. Харт — августинец, сам того не ведая. (Возможно, в таком случае ему следует извиниться перед кальвинистами?) Более того в книге «Чтобы все спаслись» он противоречит собственным утверждениям из

более ранней публикации *The Doors of the Sea*, в которой он разделял божественную и тварную каузацию, писал о вселенной, кишащей враждебными силами, и высказывал сомнение в том, что земной человеческий опыт свидетельствует о существовании любящего Бога. Тогда Харт отвергал мысль о том, «что всякая конечная контингентность является исключительным и недвусмысленным порождением одной-единственной воли, действующей во всем сущем», и взамен настаивал на существовании «иных, вторичных, зависимых, но свободных действующих сил» (*Doors*, р. 30; ср. pp. 89-91).

От Бога, Который мало что делает (между сотворением мира и эсхатоном), Харт переметнулся к Богу, Который делает все. Впору спросить, пришел ли сам автор к какому-то окончательному выводу.

2. Аргумент от выбора добра

Второй основной довод, использованный в книге Харта «Чтобы все спаслись», представляет собой оборотную сторону «аргумента от ответственного Творца».

Поскольку человеческая воля «объемляется в Его [т. е. Божьем] решении», «зло... никогда не может составлять изначальное или конечное устремление воли», и «никакая разумная воля не могла бы навсегда застыть в объятьях зла». Таким образом, «вечное свободное отвержение Бога не только выглядит неправдоподобно — оно представляет собой бессодержательную в логическом отношении идею». Рассуждения Харта, по всей видимости, являются собой попытку одержать верх в дискуссии о всеобщем спасении с помощью удобных дефиниций. Иначе говоря, он дает терминам, используемым в споре, такие определения, из которых с необходимостью следует заведомо предпочтительный для него вывод.

По существу, Харт утверждает, что «греховный» выбор не может быть «свободным». Поскольку «свободный, но греховный выбор» невозможен, все греховные решения, принимаемые людьми, несвободны. Следовательно, люди не несут за них ответственность. Исходя из предложенных Хартом определений, можно утверждать, что люди вообще никогда и ни в чем не виновны. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в конечном итоге все будут спасены — ведь грешников (если понимать под этим словом людей, которые «добровольно, а потому наказуемо предпочитают зло») не существует в природе. Поскольку «грешников» не существует, никого и ни от чего не надо спасать. Но как это согласуется с нравственной дееспособностью и

ответственностью человека? Фэрроу отмечает, что человек в представлении Харта — «не столько человек, сколько Бог в миниатюре». Свою собственную точку зрения Фэрроу описывает так: «Человек — творение, созданное, чтобы без принуждения любить Бога. Он — не просто еще один способ, которым Бог любит Самого Себя».

3. Аргумент от человеческой солидарности

Третья попытка Харта доказать всеобщий характер спасения не более успешна, чем первые две. Этот довод основан на небуквальном пересказе истории сотворения человека в писаниях раннехристианского автора Григория Нисского:

От вечности, говорит Григорий, Бог замыслил человечество в виде идеального «Человека»... творения, созданного целиком по божественному подобию, не являющегося ни мужчиной, ни женщиной, обладающего божественными добродетелями: чистотой, любовью, бесстрастием, блаженством, мудростью, свободой и бессмертием.

Более того, «этот изначальный „идеальный“ Человек заключает в себе *всю плерому* (по сути, тождествен ей) всех человеческих существ во все века, от начала до конца». Поскольку каждое человеческое существо, которое когда-либо будет жить, является частью этого «„идеального“ Человека», это означает, что «либо должны быть спасены все личности, либо не может быть спасена ни одна».

Наверное, читатель уже в замешательстве чешет затылок. Что же это за «идеальный человек», не имеющий «ни мужского пола, ни женского»? Единственные человеческие существа, о которых мы читаем в книге Бытие (и где-либо еще в Писании), — конкретные мужчины и женщины, а не составной всеобъемлющий мега-гоминид, объединяющий в себе мужское и женское начало (вроде того, которого мы находим в мифе Платона об андрогине). При всем уважении к св. Григорию Нисскому, одному из главных поборников тринитарного богословия, его описание сотворения человека основано на греческой философии, а не на библейском тексте. В его понимании библейский «Адам» был не конкретным человеком, а совокупностью человеческой сущности (которую каббалисты впоследствии назвали «Адам Кадмон» — мистическое «древо душ», от которого люди отпочковываются, словно побеги). Бог сотворил человечество, и человечество

нуждается в спасении. Всеобщее спасение органически встроено в историю сотворения мира по Григорию Нисскому.

Воспользуемся иллюстрацией: когда на буханке хлеба появляется плесень, можно отрезать негодную часть и пустить в дело остальное. Но если скисает молоко, его придется вылить целиком. По мнению Харта, человечество похоже не на плесневелый хлеб, который можно частично спасти, а на молоко, которое либо полностью кислое, либо полностью хорошее. Но подумайте о том, насколько это учение отличается от библейского мировоззрения, согласно которому конкретные человеческие личности встречаются с Богом и принимают личные решения: верить или не верить, противиться или повиноваться.

Еще один обескураживающий аспект рассуждений Харта — он приписывает «идеальному человеку» полубожественное «бесстрастие», благодаря чему возникает ощущение, что он солидарен с эзотерическими представлениями о человечестве, которые можно пародийно суммировать таким образом: «В начале было человечество, и человечество было с Богом, и человечество было (почти) Богом». Подобные абстрактные теории далеки от простоты Евангелия (2 Кор. 11:3), и здесь впору вспомнить комментарий Фэрроу, что человек Харта — «не столько человек, сколько Бог в миниатюре». Аргумент от человеческой солидарности доказывает только одно: начав с небиблейских представлений о сотворении человека (т. е. о первозданном «человечестве»), мы неизбежно придем к небиблейским же представлениям о его участии (т. е. о всеобщем спасении).

Таким образом, три основных довода Харта свидетельствуют о слабости его аргументации в пользу универсализма. (Если вас интересует не столько богословская, сколько культурологическая критика универсализма, обратите внимание на мою статью «A Kinder God and a Gentler Apocalypse», который должна выйти в конце 2019 года в журнале *First Things*).

Экзегетика Харта

Как я уже отметил выше, собственный перевод Нового Завета, сделанный Хартом, — неотъемлемая часть его универсалистского проекта. Гарри Уиллс в рецензии, опубликованной в бюллетене *The New York Review of Books*, высказал мнение, что Харт «изо всех сил пытается изгнать ад из текста Библии», и привел некоторые факты, подтверждающие такой вывод. Вместо того, чтобы назвать адский огонь «вечным», Харт переводит слово *aiōnios* как *of the*

Age, т. е. «[этого] века» (*aiōn*) (Мф. 18:8; 25:41). Специалисты единодушны в том, что слово *aiōnios* в некоторых случаях означает «вечный», однако Харт неразумно придерживается деревянно-буквального прочтения. В результате его перевод слова *aiōnios* в контекстах, не имеющих отношения к аду, озадачивает.

Вот один хорошо знакомый стих в переводе Харта: «Ибо так возлюбил Бог космос, что отдал Сына, единственного, чтобы каждый верующий в него *не погиб, но имел жизнь Века [of the Age]*» (Ин. 3:16; курсив мой). Что!? Давайте взглянем на предложенный Хартом новый перевод обещания, данного Христу в Евреям 5:6; 7:17: «Ты священник в Век [*unto the Age*]». Как это понимать?! Что служение Христа как священника ограничено во времени? Когда Иисус отдаляет осужденных от спасенных (Мф. 25:46), Он говорит: «пойдут сии в наказание того Века [*of that Age*], а праведники — в жизнь того Века [*of that Age*]». Таким образом, толкование слова *aiōnios*, которого придерживается Харт, влечет за собой определенные последствия: не только угрозы воздаяния, но и обещания блаженства становятся временными. И те, и другие относятся к «тому Веку». Но, по крайней мере, Харт последователен: небеса столь же временны, как и ад.

Слово *gehenna* в переводе Харта — уже не «ад», а «огненная долина Гинном» (Мф. 5:22). Иначе говоря, предостерегая людей об ожидающей их геенне, Иисус загадочным образом имел в виду мусорную свалку под стенами Иерусалима. Варианты перевода, которым Харт отдает предпочтение, по всей видимости, исключают трансцендентное место наказания. Глагол *proorizein*, который обычно истолковывают как «предопределить, предуготовить», Харт переводит фразой «заранее отметить» (Еф. 1:5, 11) — вероятно, для того, чтобы избежать коннотаций, связанных с традиционным переводом. Существительное *diabolos* у него — не «диавол», а «клеветник», что существенно сужает роль, которую сатана играет в Новом Завете. В стихе Иуды 6 использовано слово *aidios*, недвусмысленно означающее бесконечное наказание, но Харт — в одном из редких случаев, когда он касается вопроса о падших ангелах, — отмечает, что в данном тексте речь идет о бесах, а не о людях. Означает ли это, что падшие ангелы все-таки подвергаются вечному наказанию? И как тогда быть с утверждением Харта, что ни одно тварное существо в принципе не может быть наказуемо вечно? Отвечая на этот вопрос в одной онлайн-публикации Харт категорически не согласился с предложением Уиллса, что «в этих [переводческих] решениях прослеживается некая закономерность».

Однако Харт — далеко не первый автор, который не замечает в собственном тексте то, что совершенно очевидно для его читателей.

В книге «Чтобы все спаслись» Хартнейтрализует библейские тексты, опровергающие универсализм, утверждая, что «новозаветный эсхатологический язык... следует воспринимать лишь как умышленно разнородную фантасмагорию, имеющую целью в равной мере наставить и привести в замешательство». Далее он добавляет, что «чем более внимательно мы смотрим на невероятное смешение используемых [И]м образов... тем более в картине открываются аллюзии, атмосфера и поэтика» (в английском тексте использована более сильная фраза *the picture dissolves into evocation, atmosphere, and poetry*, т. е. «картина растворяется в ассоциациях, общей атмосфере и поэтике» — прим. перев.). Здесь Харт своими руками рубит сук, на котором сидит, — ведь, если в словах библейских авторов нет ничего, кроме эмоциональной фразеологии и символики, ни универсалисты, ни партикуляристы не могут на основании Писания утверждать что-либо определенное о жизни после смерти. Отстаивая всеобщее спасение, Харт готов поставить под сомнение не только бесконечность небес (см. выше), но и авторитет Писания вкупе с информативностью божественного откровения.

Как и у других экзегетов-универсалистов, в представлениях Харта о Библии есть слепые пятна. Подобно другим оригенистам, он полагает, что Бог победил зло путем *убеждения*, а не *принуждения*. Однако книги Исход и Откровение доказывают, что зло не всегда поддается на уговоры и иногда должно быть побеждено превосходящей силой. Фараона Яхве в конечном счете не переубедил, а сокрушил Своей властью. Аналогичным образом, зверь, диавол и лжепророк не отказываются от зла в результате уговоров — их хватают и бросают в озеро огненное. Во всех подобных случаях, используя силу для победы над злом, Бог творит добро, а не зло. Святые на небесах кричат: «Аллилуйя!» — когда чудовищной мерзости Вавилона, наконец, приходит полный и бесповоротный конец (Отк. 19:1-5).

Как жить в согласии со своей эсхатологией

В своих сочинениях Харт редко проявляет пастырские черты. Его рассуждения о всеобщем спасении носят умозрительный, абстрактный, отстраненный характер. Именно такие книги обычно пишут религиозные интеллектуалы, которых не заботит воздействие написан-

ного на умы и повседневную жизнь обычных христиан. Библейская эсхатология выглядит совершенно иначе — предвкушение будущего соединяется в ней с акцентом на срочности поручения, с духовными увещеваниями и призывами к самоотверженной дисциплине.

Произнося проповедь на горе Елеонской (Мф. 24), Иисус соединил рассказ о последних временах с призывом «беречься» и предостережением о неверном рабе, которого возвращение хозяина застанет врасплох (24:42-51). Эта глава связывает возвращение Иисуса не только с необходимостью нравственных и духовных приготовлений, но и с необходимостью благовестия: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (24:14). Аналогичным образом, притча о мудрых и неразумных девах (Мф. 25:1-13) подчеркивает необходимость быть готовыми к возвращению Иисуса. Когда апостолы спрашивают Спасителя после воскресения, не сейчас ли Он намерен «восстановить царство», Господь посыпает их благовествовать, вновь связывая Свое возвращение с нынешней миссией церкви (Деян. 1:6-8).

Откровение изображает народ Божий как «невесту», которая должна сочетаться с Христом как «женихом». Мы читаем, что «жена Его приготовила себя», облекшись «в виссон чистый и светлый», и что этот «виссон» — «праведность святых» (Отк. 19:7-8). В своем Первом послании Иоанн связывает эсхатологические чаяния с духовным очищением: «Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть. И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист» (1 Ин. 3:2-3). Размышляя о грядущем разрушении мироздания, Петр восклицает: «...какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия...?» (2 Пет. 3:11-12) А Павел в своем Послании к Титу связывает наше «блаженное упование» (2:13) с увещанием «целомудренно, праведно и благочестиво жить в нынешнем веке» (2:12).

Перечисленные тексты указывают на необходимость и уместность оценки эсхатологических учений с точки зрения их практических следствий. И очень трудно понять, как библейский призыв к самоотречению, богоугодной жизни и усердному благовестию может быть в полной мере реализован на основании универсалистского богословия. Зачем прилагать усилия, чтобы бодрствовать и готовиться, если ты заранее знаешь, что спасешься? Первые христианские универсалисты, включая самого Оригена, понимали это и считали, что учение

о всеобщем спасении следует скрывать от общественности и распространять лишь в узком кругу зрелых верующих. Но Харт, по всей видимости, не видит здесь проблемы.

Таким образом, даже будь универсализм основан на Писании (а это не так), и даже если бы здравые библейские и философские аргументы придавали ему правдоподобие (а это тоже не так), он все равно не смог бы стать официальным, публичным богословием христианской церкви, не разрушив при этом ее нравственные, духовные и миссионерские устои. Единственный однозначный пример массового признания учения о всеобщем спасении — Универсалистская церковь, некогда бывшая шестой по величине деноминацией в США, — служит прекрасной иллюстрацией моего тезиса. Универсалистская церковь со временем уменьшилась в размерах и в богословском плане выродилась в унитарианское отрицание божественности Иисуса, а потом и вовсе объединилась с еще одной пришедшей в упадок религиозной группой, образовав Ассоциацию унитариев-универсалистов, которая в конечном счете попросту изъяла слово «Бог» из своих вероисповедных документов, чтобы не оскорблять чувства агностиков, которые, возможно, хотели бы вступить в ее ряды. Эта история должна послужить предостережением для тех, кто хочет, чтобы церковь приняла универсалистское учение. Представьте себе фермера, который хочет уничтожить вредителей на своих полях и опрыскивает их химикатами, мощными и эффективными пестицидами. Но через несколько недель растения на полях тоже начинают чахнуть. Таков универсализм: во имя обновления и улучшения богословия церкви он убивает саму церковь вместе с ее богословием.

Скорее всего, в будущем, вера во всеобщее спасение останется, как это было в прошлом, частной точкой зрения, пестуемой в среде оторванной от исторических корней интеллектуальной элиты, и бытующей, скорее, на окраине, нежели в центре церковной жизни. Верные *en masse* это учение не примут. Пастыри Иисуса знают Его голос и не пойдет за чужаком (Ин. 10:5, 27). В будущем универсализм так и останется внутренне противоречивым, угашающим веру, оскопляющим церковь учением. Это вымирающий богословский вид.

Майкл Мак-Клаймонд — профессор современного христианства в Университете Сент-Луиса и автор книги *The Devil's Redemption: A New History and Interpretation of Christian Universalism*, которая в 2018 году была удостоена главной награды сообщества The Gospel Coalition.

PRO ET CONTRA: ЛУЧШИЕ АРГУМЕНТЫ

В этом симпозиуме, организованном сетевым изданием *The Worldview Bulletin*, три философа-христианина: д-р Пол Копан, д-р Пол Гулд и д-р Дэвид Бэггетт, — отвечают на вопрос: «Какой факт или аргумент вы считаете наиболее убедительным доказательством истинности христианства, и какое возражение против истинности христианства вы считаете наиболее серьезным?»

Пол Копан

Не все доказательства одинаково убедительны для всех. Состоятельный дедуктивный аргумент логически неопровергим. Иначе говоря, если посылки верны, а умозаключения справедливы, вывод следует с неизбежностью. От человека это не зависит. С другой стороны, факты, которые одному человеку могут показаться убедительным свидетельством истинности христианства, на кого-нибудь другого могут не произвести такого впечатления. Результат зависит от множества факторов — от знаний и жизненного опыта, от образа мышления, от того, что в первую очередь бросается в глаза. Возьмите, например, профессора литературы Луизу Кован, которая пришла к Евангелию не через философские рассуждения, а благодаря чтению Толстого и Достоевского. Ей нужно было посмотреть на вещи другими глазами.

Если бы мне пришлось выбрать один из доводов в пользу существования Бога, я остановился бы на моральном аргументе. (Уверен, что мой коллега по *The Worldview Bulletin* Дэвид Бэггетт поступит так же!) Именно он становится отправной точкой — ключом к смыслу вселенной, — оттолкнувшись от которого, Клайв Льюис в книге «Просто христианство» выстраивает свою апологию состоятельности христианства. Я и сам часто начинаю с этого — с Божьей помощью, — чтобы далее поведать слушателям о великих истинах Евангелия. Кстати, как раз на днях у меня получилась именно такая беседа с агностиком-аспирантом из Ирана, с которым мы оказались на соседних креслах в самолете.

Пол Копан

www.wikiwand.com

Если же говорить не о доводах в пользу теизма вообще, а о наиболее убедительных свидетельствах конкретно в пользу христианства, чаще всего я отдаю предпочтение телесному воскресению Иисуса. Если этого исторического события не было, христианство не может существовать. Как сказано в 15-й главе 1-го Послания к коринфянам, наша вера пуста и никемна, мы проповедуем ложь, мы все еще во грехах, и мы достойны большей жалости, чем все остальные люди. Поэтому просто ешьте, пейте и веселитесь.

Основные факты, связанные с Пасхой и признанные огромным количеством историков всех мастей, таковы: Иисус был распят по приказуPontия Пилата и погребен в могиле, принадлежавшей Иосифу Аримафейскому; могила Иисуса была найдена пустой, в этом были

capturingchristianity.com

Дэвид Бэггетт

убеждены и Его друзья, и Его враги; последователи Иисуса порознь видели Его живым после смерти; внезапно возникла церковь, которая проповедовала воскресение Иисуса в том самом городе, где это утверждение было легче всего проповедовать. Сюда же можно добавить исторические подтверждения обращения Павла и Иакова.

Все это не «сверхъестественные» факты. Это исторические факты, которые вызывают лишь один вопрос: какое объяснение — натуралистическое или сверхъестественное — лучше? Я совершенно уверен, что утверждение «Бог воскресил Иисуса из мертвых» дает нам более простое и в то же время более всеохватное объяснение. Напротив, различные натуралистические объяснения, предлагаемые скептиками (например, массовая галлюцинация, обморок, ученики ошиблись могилой, история о воскресении Иисуса как калька с мифов об умирающих и воскресающих божествах Ближнего Востока), катастрофически несостоятельны. Принимая во внимание общий вес доказательств воскресения Христа, объяснить все известные обстоятельства естественными причинами неизмеримо труднее, чем согласиться с традиционным христианским учением. Иначе говоря, нам нужно ответить на вопрос: что более вероятно с учетом фактов — что Иисус воскрес, или что Он не воскрес? На мой взгляд, ответ вполне очевиден.

Самое серьезное возражение

Подозреваю, что первым выбором многих критиков христианства — и источником глубочайших терзаний для самих христиан — можно

считать проблему зла. Ситуация осложняется еще и тем, что данная проблема затрагивает огромный спектр вопросов помимо логической и эвиденциальной формулировки, связанных с идеями нравственного зла, зла в природе, а также беспричинного зла:

- Как пережить страдания, связанные с неизлечимой болезнью или смертью близкого человека?
- Как Бог мог повелеть изгнать хананеев?
- Что будет с теми, кто никогда не слышал Евангелия?
- Почему существование Бога не очевидно для всех?
- Если Бог сотворил хороший мир, откуда появилось зло?
- Какая справедливость в том, что все мы рождаемся искалеченными грехом не по своей вине?
- Зачем Бог сотворил сатану, который впоследствии восстал против Творца и учинил такой беспорядок?
- Как можно оправдать то, что Бог допустил Холокост, резню в Камбодже и прочие ужасы?

В своей недавней серии из 10 статей о проблеме зла, опубликованных в *The Worldview Bulletin* (с января по октябрь 2020 года), я перечислил несколько причин того, почему мир, в котором Бог (Христос) и зло сосуществуют, — гораздо меньшая проблема по сравнению с миром, в котором существует зло, а Бога нет.

Дэвид Бэггетт

Меня всегда «цепляют» слова Павла в 17-й главе книги Деяний о том, что времена неведения закончились с воскресением Иисуса. Правила игры изменились, настаивал апостол, и с этой минуты невежество наказуемо. Примечательно, что это было сказано именно в Афинах, где Сократическими столетиями раньше расписался в своем невежестве. Слушатели Павла наверняка уловили иронию.

Я издавна считал доказательства воскресения стержнем христианской апологетики, однако сейчас я хотел бы поговорить о другом свидетельстве, которое также весьма убедительно на эзистенциальном уровне.

Но прежде всего давайте задумаемся о том, каково самое серьезное возражение против христианства. Опять-таки, самый очевидный ответ — проблема зла. Во всяком случае, для многих противников христианства этого достаточно. Однако в эзистенциальном смысле

даже теоретическая проблема зла не доставляет нам столько затруднений, сколько личная, психологическая борьба со злом. У нас могут быть абсолютно убедительные причины думать, что присутствие в мире страданий не противоречит существованию благого Бога, но это вовсе не значит, что мы готовы и способны пережить горе и боль конкретной трагедии.

Здесь я мог бы пойти путем Копана и сделать акцент на том, каким образом зло, присущее в мире, по-своему указывает на истинность христианства. Понятие «зло» включает в себя очень много нравственных моментов и обычно не сводится к одним только страданиям. Например, мир не таков, каким должен быть. Это базовое допущение лежит в самой основе проблемы зла и придает ей такую остроту. Но почему мир должен быть каким-то другим? Христианство дает нам причины верить, что мир испорчен, но будет восстановлен, в то время как натурализм и другие подобные мировоззрения ничего подобного предложить не могут.

Вдобавок, серьезное отношение к нравственной многоплановости такого понятия, как зло, напоминает нам о том, что правильное мировоззрение должно быть способно предложить прочное основание морали. Именно этой теме я посвятил большую часть своих исследований. Я убежден, что теизм вообще и христианство в частности наилучшим образом объясняет широкий спектр нравственных феноменов — объективные нравственные ценности, не-преложные нравственные обязательства, не-отчуждаемые права человека, нравственные сожаления, нравственную свободу, нравственное знание, нравственную трансформацию, нравственную рациональность и т. п.

Наконец, хорошими или плохими правильнее называть не обстоятельства, а людей. Если я случайно ударил молотком по пальцу, это плохо — но не безнравственно. Если же кто-то другой сознательно ударит мне молотком по пальцу, это уже безнравственный поступок. Категории нравственного и безнравственного лучше всего описывают людей. И если бы Бог захотел немедленно уничтожить все зло в мире (как, по мнению некоторых, и должен поступить любой любящий Бог), Ему пришлось бы уничтожить и нас с вами. Ведь мы сами — часть проблемы.

Христианский апологет д-р Клэй Джонс много читал о различных злодеяниях и массовых убийствах в истории человечества, и его поразил тот факт, что осуществляли эти преступления, как правило, вполне обыкновенные «среднестатистические» люди, оказавшиеся в

Пол Гулд

ситуации, когда подобные действия могли принести им выгоду и сойти им с рук. История свидетельствует, что люди безнадежно грешны — и не какие-то другие люди, а мы с вами. Как выразился Клэй, все мы от рождения «способны устроить Освенцим». Что-то в нас испорчено — и учение о первородном грехе объясняет, что именно.

Пока мы не осознаем, что не дотягиваем до неизменного стандарта нравственности, что нуждаемся в прощении и полном преображении, христианское Евангелие не оживет для нас. Серьезность проблемы зла во многом обусловлена тем, что мы воспринимаем всерьез нравственную порочность. И потому все запутывается, когда проблему зла рассматривают как решающий аргумент против христианства, в то время как на самом деле именно христианство в конечном счете дает твердую надежду на окончательное решение этой проблемы.

Пол Гулд

Какой аргумент в пользу существования Бога лучший? Хороший вопрос! Ответить на него непросто — и не потому, что достойных аргументов мало, а потому, что для разных людей наиболее убедительными будут разные доводы. Мне одинаково нравятся все: космологический,teleологический, нравственный, эзистенциальный и так далее. Но, поскольку вы спросили, и мне придется сделать выбор, я

отдам предпочтение аргументу от разумного замысла. Он существует во многих разных вариантах. Потому он мне и нравится. Ты можешь представить их в разном виде, сделав акцент на разных частях общей картины. Например, можно сосредоточиться на данных биологии и на основании того, что в истории жизни на Земле появлялись новые виды, сделать вывод о существовании разумного Творца.

Но предположим, что существует некий механизм или сочетание механизмов, которые могут объяснить появление новых видов без участия божественного Творца. Никаких проблем. Есть другая версия аргумента от разумного замысла, которая делает акцент на происхождении жизни как таковой — на том критическом моменте, когда произошло нечто особенное, и неодушевленная материя стала живой. Ссылаясь на некие дарвинистские механизмы, пытаясь объяснить происхождение жизни, невозможно, поскольку эти механизмы начинают действовать лишь после возникновения живых клеток.

Конечно, может существовать некий недарвинистский механизм, с помощью которого удастся объяснить появление жизни. Лично я сомневаюсь, что это возможно. Но давайте представим, что ученым это удалось. В таком случае есть еще один вариант аргумента от разумного замысла, основанный на фактах, которые не имеют ничего общего ни с биологией, ни с химией. Я имею в виду современный аргумент, согласно которому у вселенной, столь точно приспособленной для существования жизни, должен быть Настройщик. Тот факт, что законы природы, физические постоянные и первоначальные условия существования вселенной с хирургической точностью приспособлены для существования жизни, — убедительное свидетельство в пользу теизма. Чем больше я изучаю данные космологии, химии, биологии, тем больше я убеждаюсь, что существует несколько вполне состоятельных вари-

антов аргумента от разумного замысла. В зависимости от области научных интересов или опыта конкретного собеседника имеет смысл использовать один из этих вариантов, чтобы обосновать веру в существование Бога.

Какой аргумент против существования Бога наиболее серьезен? Я думаю, что это проблема Его сокрытости. Суть ее в следующем. Если Бог — любовь, почему Он прячется? Почему Бог, если Он существует, молчит? Когда ребенок зовет маму, мама, без сомнения, сразу откликается. Бог же, по всей видимости, на наши призывы не реагирует. В таком случае, гласит аргумент, лучше считать, что Бога нет вовсе.

Я вполне сознаю убедительность этого довода против существования Бога. Часто возникает ощущение, будто Он не присутствует ни в мире, ни в нашей жизни. И все-таки я не думаю, что этот аргумент состоятелен. У Бога есть весомые причины скрываться. Одна из них заключается в следующем: Господь хочет, чтобы мы не просто верили в Него. Он хочет взаимоотношений с нами. Он хочет, чтобы мы узнали Его лично, а для этого нам нужно искать Его всем своим существом. Как выразился философ Стивен Эванс из Бэйлорского университета, свидетельства существования Бога легко доступны, но их легко игнорировать. Они видимы для всех. Но они нуждаются в истолковании. И Богу нужны сердца, готовые поклониться Ему как Богу, а не просто словесное согласие с утверждением о существовании Бога.

Конечно, это далеко не все. Но подведем итог: нет такого возражения или аргумента, который оказался бы христианству не по зубам. Разумные доводы — как в пользу, так и против существования Бога — важны. Они вынуждают нас четко формулировать свои убеждения, взвешивать факты и искренне искать истину. Но если мы тщательно в них разберемся, я уверен, станет очевидно, что совокупность фактических и логических доказательств определенно свидетельствует в пользу теизма.

БЫЛА ЛИ ПЕРЕПИСЬ В ПРАВЛЕНИЕ АВГУСТА?

Криста Венцель

Евангелие от Луки, под каким углом на него не посмотри, представляет собой кладезь исторической информации. Начинается оно таким образом:

Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях... то рассудилось и мне, по щадительном исследовании всего сначала, *по порядку* описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал *твёрдое основание* того учения, в котором был наставлен (Лк. 1:1, 3-4).

Евангелист беспокоится, главным образом, о «порядке» и «правильности» изложения, чтобы его адресат (некий Феофил) «узнал *твёрдое основание* того учения, в котором был наставлен» (ст. 4). Его повествование не только *упорядочено*, но и содержит великолепное описание того, что произошло в не такую уж тихую ночь две тысячи лет назад.

Великий археолог сэр Уильям Рэмси называл Луку «первоклассным историком», составившим...

исторические труды высочайшего уровня, в которых автор использует великолепные способы получения информации — либо через личное знакомство, либо благодаря доступу к оригинальным авторитетным источникам — и подходит к рассмотрению предмета исследования талантливо, с литературным мастерством и с сочувствующим историческим пониманием характера людей и развития событий. Такой автор ухватывает ключевые события и сосредоточивает на них внимание читателя, освещая их более полно...¹

Одно из событий, к которым евангелист привлекает внимание читателя, — государственная перепись, осуществленная в правление Августа незадолго до рождения

Христа. Зачастую люди относятся к этому поворотному моменту рождественской истории скептически.

В самом начале повествования о Рождестве Лука сообщает, что перепись проводилась во всем Римском мире (2:1-5). Эти слова нам хорошо знакомы, поскольку в рождественские дни они постоянно звучат в проповедях, спектаклях, мюзиклах и гимнах:

В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давида, записаться с Марией, обрученной ему жею, которая была беременна (Лк. 2:1-5).

Многие годы историки и библеисты считали упоминание о повелении Августа сомнительным, а то и явной ошибкой. Действительно ли переписью был охвачен весь Римский мир, и действительно ли Мария и Иосиф отправились в Вифлеем, чтобы их записали, как мы читаем в Евангелии от Луки?

Библеист-новозаветник д-р Гарольд Вальтер Хёнер составил список основных проблем, которые не позволяют считать повествование Луки исторически правильным:

Эмиль Шурер утверждает, что Евангелие от Луки не может быть исторически правильным, поскольку (1) в истории нет никаких сведений о всеобщей переписи во времена Августа; (2) для участия в римской переписи Иосифу не пришлось бы идти в Вифлеем, он зарегистрировался бы по месту постоянного проживания, а Марии вообще не нужно было регистрироваться; (3) в царствование Ирода в Палестине не могло быть никакой римской переписи;

(4) Иосиф Флавий ничего не сообщает о римской переписи в Палестине при Ироде — перепись, проведенная в 6-7 гг. н. э. была для евреев невиданным событием; (5) перепись, осуществленная при Квиринии не могла произойти в царствование Ирода, потому что Квириний стал губернатором лишь после смерти Ирода².

На первый взгляд может показаться, что эти аргументы против историчности римской переписи императоре Октавиане Августе и губернаторе (легате) Квиринии неопровергимы и возразить что-то против них трудно, однако беспристрастное изучение исторических и археологических данных доказывает обратное.

В этой статье мы сосредоточимся на первых двух аргументах: (1) что в истории нет сведений о всеобщей переписи при Августе, и (2) что для участия в римской переписи Марии и Иосифу не понадобилось бы идти в Вифлеем.

Перепись при Августе

Обычно люди думают, что перепись, которую император Август повелел произвести «по всей земле», представляла собой единый комплекс мероприятий, одновременно организованных на всей территории Римской империи. Вопрос в том, так ли представлял это себе Лука, и такой ли смысл он вложил в свои слова. Скорее всего, нет.

Как пишет Хёнер, «имеется в виду, что переписи проводились в разных провинциях в разное время, поскольку Август впервые в истории повелел осуществить перепись (составить реестр налогоплательщиков) во всех частях империи. Дополнительным подтверждением этому служит то, что Лука использует глагол в настоящем времени — иначе говоря, Август повелел проводить переписи регулярно, а не один-единственный раз»³.

Джек Финеган, специалист по новозаветной истории, пишет: «Что касается проведения такой регистрации вообще, из найденных египетских папирусов нам известно, что римская перепись проводилась в Египте (то есть, возможно, и по всей империи) регулярно, раз в 14

лет. Было найдено много подлинных отчетов о переписях, и в них используется то же слово (ἀπογράφω), которое мы встречаем в Луки 2:2 („перепись“)»⁴.

Та конкретная перепись, которую упоминает Лука (2:2), «впервые состоялась, когда Квириний был правителем Сирии». Помимо Луки имя Квириния упоминают еще два древних автора: римский историк Тацит (Анналы III:48) и еврейско-римский историк Иосиф Флавий (Иудейские древности XVIII:1-2).

По словам Тацита, Публий Сульпиций Квириний скончался в 21 г. н. э.

Упоминание Квириния Иосифом Флавием в «Иудейских древностях» (XVIII:II:1) создает определенные проблемы, поскольку автор сообщает на, что перепись была окончена «в тридцать седьмом году после поражения [Марка] Антония Цезарем Августом при Акции» в 31 г. до н. э. Таким образом, речь идет о 6-7 гг. н. э., и эту дату никак не согласовать со временем рождения Христа, которое произошло, скорее всего, зимой 4-5 гг. до н. э.⁵.

Лука в стихе 2:2 пишет о «первой» переписи, имевшей место во время правления Квириния Сирией, то есть перепись, упомянутая Флавием, вполне могла быть второй, более поздней.

Глисон Арчер также отмечает, что Лука «таким образом хорошо знал о второй переписи, проведенной Квиринием в 7 г. н. э., на которую ссылается Иосиф Флавий... Нам об этом известно потому, что Лука (живший гораздо ближе к тому времени, чем Иосиф) также цитирует слова Гамалиила о восстании Иуды Гамалиила „во время переписи“ (Деян. 5:37)»⁶.

Есть и другие факты, по всей видимости свидетельствующие о том, что Квириний служил губернатором дважды, то есть занимал в Сирии официальное положение, необходимое для проведения переписи, упомянутой в Луки 2:2. В 1874 году близ Тиволи, в 30 с небольшим километрах на восток от Рима, была найдена надпись на латыни. Она получила название *Lapis Tiburtinus* и, по словам Джека Финегана, «содержит утверждение высокопоставленного римского чиновника о том, что, став правителем Сирии, он занял этот пост во второй раз

(лат. *iterum*). Возникла даже мысль, что этим человеком мог быть Квириний...»⁷.

Кем бы ни был римский чиновник, упомянутый в надписи, это, как минимум, свидетельствует о том, что римским прокураторам случалось занимать пост дважды. А в результате дополнительных исследований еще может оказаться, что речь все-таки идет о Публии Сульпиции Квиринии.

Нужно ли было Марии и Иосифу идти в Вифлеем?

В Луки 2:4-5 мы читаем: «Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давида, записаться с Марию, обрученою ему женою, которая была беременна».

Скептики утверждают, что для участия в римской переписи Иосифу не было необходимости отправляться в Вифлеем, и он мог зарегистрироваться по основному месту проживания, а Марии так и вообще регистрироваться было не нужно.

По общему мнению, римское законодательство требовало, чтобы владельцы недвижимости зарегистрировались как налогоплательщики в том регионе, где находилась принадлежащая им земля. Тем не менее, «один папирус, датированный 104 г. н. э. содержит сведения о некоем египетском префекте, который потребовал, чтобы египтяне для проведения переписи вернулись в дома своих предков. Поскольку собственность иудеев переходила от отцов к детям, римские чиновники в I веке, без сомнения, позволяли им сохранить обычай заявить права собственности на семейную недвижимость в целях налогообложения»⁸.

Поскольку всем нужно было посетить родину предков, и поскольку Мария была обручена Иосифу и ждала ребенка, они отправились в Вифлеем вместе. Конечно, Мария и Иосиф понимали смысл Писаний, в том числе пророчеств о Мессии, Который должен родиться в Вифлееме (Мих. 5:2). Наверняка они с удивлением наблюдали за тем, как отдельные части мозаики постепенно складываются в единую картину — даже те части, которые представляли собой официальные распоряжения римских властей!

И вновь Писание, подвергнутое тщательной проверке в свете исторических и археологических данных, удивительным образом выдерживает испытание.

Это лишь один маленький пример того, как археология и история подтверждают слова Писания в мельчайших деталях. Евангелие от Луки — первая часть двухтомного сочинения наряду с книгой Деяний. В своем обширном исследовании *The Book of Acts in the Setting of Hellenistic History* Колин Хемер перечисляет по меньшей мере 84 факта, упомянутых в последних 16 главах Деяний, которые получили подтверждение в ходе исторических или археологических изысканий.

Лука поистине замечательный историк. Как и Феофил, мы можем «узнать твердое основание того учения, в котором были наставлены» (Евангелия Иисуса Христа).

Примечания

1. Ramsay, William. *Saint Paul: The Traveler and Roman Citizen* (Grand Rapids: Kregel Publications, 2001), p. 16.
2. Hoehner, Harold W. *Chronological Aspects of the Life of Christ* (Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 1977), p. 14.
3. Там же, р. 15
4. Finegan, Jack. *Light from the Ancient Past: The Archaeological Background of the Hebrew-Christian Religion* (Princeton: Princeton University Press, 1969), II:258.
5. См. Там же, р. 259. См. также монографию Хёнера (в особенности первую главу), который более подробно рассматривает первоисточники (pp. 29-44).
6. Archer, Gleason L. *New International Encyclopedia of Bible Difficulties* (Grand Rapids: Zondervan, 1982).
7. См. Finegan, Jack. *Handbook of Biblical Chronology: Principles of Time Reckoning in the Ancient World and Problems of Chronology in the Bible* (Peabody, MA: Hendrickson Publishers, 1998), p. 304. Это же точки зрения придерживался Уильям Рэмси — см. Ramsay, William. *Bearing of Recent Discoveries on the Trustworthiness of the New Testament* (London, 1920), pp. 275-300.
8. См. Hoehner, p.15.

Оригинал статьи опубликован в блоге службия CrossExamined.org. Все права принадлежат автору.

Руководитель проекта Павел Столяров

Редактор Дмитрий Розет

Почта: 191186, Россия, СПб., а/я 100

Веб-страница: www.apologetika.ru

E-mail: Russia@apologetika.ru